

УДК 81'42 А. Беянин

**РЕЧЕВАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ
ПЕРСОНАЖЕЙ-АНТИПОДОВ
В КНИГЕ А. БЕЯНИНА «МОЯ
ЖЕНА – ВЕДЬМА»**

Г. А. Камлевич,
*кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего
и русского языкознания БГПУ*

Поступила в редакцию 01.07.16.

UDC 81'42 A. Belyanin

**SPEECH INDIVIDUALIZATION
OF ANTIPODE CHARACTERS
IN THE BOOK BY A. BELYANIN
“MY WIFE IS A WITCH”**

G. Kamlevich,
*Candidate of Philology, Associate
Professor of the Department of General
and Russian Linguistics, BSPU*

Received on 01.07.16.

В статье рассматривается речевая индивидуализация персонажей-антиподов (ангела Анцифера и черта Фармазона) главного героя романа А. Беянина «Моя жена – ведьма» на основе анализа прямых и косвенных характеристик, относящихся к речевой парадигме. Показана противопоставленность Анцифера и Фармазона, обусловленная их сущностью и разным предназначением, актуализируется в выбранных для них именах собственных и проявляется, прежде всего, на лексико-фразеологическом уровне, а также в разном речевом поведении героев в одной и той же ситуации, в особой стилистической структуре высказываний, манере построения фраз, в авторских ремарках, сопровождающих речевую деятельность ангела и черта. Включение в речь персонажей-антиподов элементов, свойственных противоположному герою, оказывается значимым в философской картине мира А. Беянина.

Ключевые слова: речевая индивидуализация, речевая характеристика, роман А. Беянина «Моя жена – ведьма».

The article is devoted to the study of the speech individualization of personal spirits in the novel of A. Belyanin «My Wife Is a Witch». The author determined the means of speech characteristics of an angel and the devil. The speech individualization of personal spirits presented primarily on the lexical and phraseological levels and in the different verbal behavior characters in the same situation, in the stylistic structure, in the manner of phrasing, in the author's directions that accompany the speech activity of an angel and the devil. Inclusion in the speech of characters-antipodes elements of each other is important in the philosophical picture of A. Belyanin's world.

Keywords: speech individualization, speech characteristic, novel of A. Belyanin «My Wife Is a Witch».

Современная антропоцентрическая парадигма определяет изучение языковой личности в художественном тексте посредством так называемого персонажного дискурса. При этом необходимо учитывать ситуацию речи, ее значимость для участников коммуникации, цель общения, социальные, возрастные и другие характеристики коммуникантов, их психологическое состояние в момент речи, роль персонажа в контексте всего произведения и т. д. Через систему действующих лиц и их речевую характеристику автор представляет собственную картину мира, свой взгляд на людей и специфику их взаимоотношений.

Традиционно языковая личность в художественном произведении изучается на основе совокупности высказываний героя на протяжении всего текста. При этом некоторые исследователи учитывают только прямую речь персонажа [1], другие проводят анализ и несобственно-прямой речи [2]. На наш взгляд, характеристика языковой личности требует

изучения всех высказываний персонажа, а также его поступков, реакций, жестов, мимики, авторских описаний и ремарок, то есть прямых и косвенных характеристик, относящихся к речевой парадигме. Особое место в этом ряду принадлежит монологам героя, так как слово «может стать до предела сжатым отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки образа» [3, с. 97]. Характер персонажа, мотивы поступков, реакция на внешние обстоятельства и ситуацию текущего момента, выбор речевой тактики лучше всего проявляются в диалогическом слове, что ярко представлено в книге А. Беянина «Моя жена – ведьма». В романе рассказывается о приключениях поэта Сергея Гнедина, который отправляется в параллельные миры на поиски своей жены вместе с персонажами-антиподами, олицетворяющими светлую (ангел Анцифер) и темную (черт Фармазон) части души главного героя.

Анцифер и Фармазон играют важную роль в жизни главного героя, являясь двумя сторона-

ми его личности. Черт и ангел имеют собственную жизненную историю, свое мнение и разное предназначение в романе. Задача Анцифера – «сохранить и приумножить все светлое и доброе», что есть в душе Сергея Гнедина, «вытаскивать из критических ситуаций», помогать перемещаться в нужный пространственно-временной континуум. Задача Фармазона – «встраивать подопечного во всякие неприятности», прямая обязанность – «толкать человека на край пропасти», руководствуясь девизом: «Сделал гадость – на сердце радость». Эта функциональная противопоставленность определяет речевую специфику персонажей, представленную в прямой и несобственно-прямой речи.

При первом знакомстве с героями читатель узнает, что один из них белый, а другой – черный. Во внешнем облике есть общие элементы, при этом автор вводит детали, противопоставляющие персонажей: *Оба с крылышками, у одного на манер лебединых, у другого – типа нетопыря. На лицо совершенно одинаковые, как близнецы, различались лишь цветом волос и прической. Белый – с роскошными льняными кудрями, художественно спадающими на плечи. Волосы черного гладко зачесаны назад, открывая большие залысины у висков, и перехвачены резинкой на затылке. Оба в длинных одеждах, у одного серебристо-белая парча, у другого – «мокрый шелк» иссиня-черного цвета. У Анцифера есть нимб, который в разных ситуациях может менять цвет, у Фармазона – маленькие рожки на лбу и хвостик. Указанные детали вполне логичны во внешней характеристике ангела и черта. Сами персонажи так рассказывают о себе: – *Позвольте представиться – Анцифер. Светлый дух, прообраз ангела-хранителя, некая чистая и возвышенная субстанция вашей собственной души.* – Фармазон! – *хлопнул меня по плечу второй.* – *Все то же самое с точностью до наоборот. Темный я... Все, что есть в вашей душе грязного и порочного, в моей высокой компетенции...**

Таким образом, с самого начала читатель понимает противопоставленность героев друг другу, что подчеркивается и именами персонажей. Анцифер в переводе с греческого – польза приносящий. Фармазон – 1) мошенник, сбывающий фальшивые украшения; 2) крупный мошенник [4, с. 259], вольнодумец и безбожник [5, с. 532]. Неудивительно, что Фармазоном А. Белянин называет именно черта.

Речевая индивидуализация Анцифера и Фармазона проявляется, прежде всего, на лексико-фразеологическом уровне. Речь ангела насыщена книжными словами, часто имеющими высокую стилистическую окраску или устаревший характер (*лукавый, искуситель,*

*венец, внемлите, изыди, бессмысленная гибель, несанкционированное веселье; являют собой хаотическое нагромождение пространств, эпох и вселенных; структура пространственно-временных отношений; изощренной ложью ты смущаешь души невинных), религиозными словами и устойчивыми оборотами (*грехопадение, простите Христа ради, не гневайте Бога, не приведи Господи, неисповедимы пути Господни, заблудшие души, ради всего святого, принять мученический венец; Он ее муж, а как сказано в Писании: «Жена да спасется мужем своим...»*).*

В целом, речь Анцифера соответствует традиционным представлениям об ангелах. Герой во многих случаях выступает в качестве вежливого, учтвого собеседника, посредника, который хочет разрешить сложную ситуацию мирным способом, поэтому в его речи встречаются такие выражения: *как бы это помягче; очень прошу; простите нас; не сердитесь, пожалуйста; вы уж не сердитесь на нас; примите мои извинения; пусть он вас простит, как я вас прощаю.* Тем не менее, бывают ситуации, в которых ангел теряет спокойствие, становится требовательным и строгим, может прикрикнуть и даже употребляет ругательства: *я требую от тебя, несчастный дух, должного уважения и соблюдения элементарных норм вежливости; падла рогатая (прости меня Господи); вы что, совсем ополоу... прошу прощения; – Сволочь ты! – Ого! Да с каких пор это ангелы так выражаются? – А вот с тех самых; – Попрошу не выражаться! – неожиданно грозно взвыл Анцифер, хлопая ладонью по столу. – Я требую, чтобы ты, нечистый дух, сию же минуту извинился и впредь никогда не говорил о жене хозяина в таком же тоне; – Вы издеваетесь?! – взвыл ангел, видимо, его задело за живое; – Прекрати, балбес! – рявкнул гневный Анцифер; – Ах ты, гад, – проникновенно выругался ангел.*

Сергей Гнедин отмечает, что Анцифер может стать зачинщиком драк, отвечая на провокации Фармазона: *Судя по тому, как часто за последнее время здесь затеваются драки, истинный зачинщик найден... Анцифер! Фармазон, конечно, его изо всех сил провоцирует, но уж если ты ангел – то терпи. Видимо, и ангельское терпение не безгранично... Ангел даже находит оправдание необходимости вступить в драку: – Господь наш изгонял торгующих из храма кулаками, а не проповедями, – хладнокровно отметил ангел. – Если вопрос стоит ребром, то добрая драка – меньший грех, чем постыдное бесство.*

Речь черта Фармазона характеризуется наличием разговорной, сниженной лексики, просторечий, жаргонизмов, устойчивых оборотов,

свойственных деклассированным элементам: *зажиливать, чернуха, кормежка, фижня, ни фижа себе, чё, щас, хряпнем, скоммуниздил, перетерли на досуге, век воли не видать, в натуре, волк позорный, натуральный столбняк*. Фармазон использует общеизвестные выражения в традиционной форме, но чаще – в трансформированном виде, а также создает собственные обороты: *словно грешник голым задом на сковороде с подсолнечным маслом; увидишь, кто тебе друг, а кто... хвост собачий; да любому черту святая вода хуже, чем человеку серная кислота натоцак; строишь из себя прокурора на Страшном суде; клянусь кривыми рогами Сатанаила; ля мур – такое дело; колдани промеж ушей, чтоб одуванчики из глаз посыпались*. Речь Фармазона более образна и афористична, чем речь Анцифера; черт постоянно демонстрирует специфическое чувство юмора: *Да он первый мужчина в мире, считающий исчезновение собственной жены горем... Другой бы на его месте уже отплясывал румбу от счастья; ты сгоришь не только с разрешения, но и с благословения Божьего; У них на все готовенький ответ из Библии. Нашли универсальный компьютерный справочник*.

В речи Фармазона встречаем фамильярные обращения: *батенька, братец, братан, братва, старик, друган, мужички*. Черт позволяет себе оскорбительные высказывания в адрес других персонажей, резкие и грубые слова: *дубина, козел безрогий, жмот, сучий хвост, зверюга мохнозадая*. Он не выбирает выражений, даже говоря о своем «хозяине»: *рифмоплет несчастный, слабозольный трус, бесхребетный подкаблучник, не мужчина, а тряпка; небритый ворлок с литобразованием*. Как отмечает сам персонаж, «грязные штучки ему по штату положены». Вполне логично, что Фармазон использует в своей речи нецензурную лексику, а Анцифер выступает против этого. – *Только не матом, – строго предупредил Анцифер. – Почему? – встрял Фармазон. – Это ограничивает наши лингвистические возможности. – Все равно не надо. Грязно это*.

Фармазон часто позволяет себе перебивать остальных: – *М-м... Серезенька, вы, как бы это помягче... Они просто еще не осознают значення ваших слов, выражайтесь как-нибудь более демократично. – Короче, будь проще, и люди к тебе потянутся, – веско добавил Фармазон; – Я очень сожалею, но подобные чудеса не в нашей компетенции. – Короче, – вмешался Фармазон, он вообще не мог молчать более двух минут, справедливо полагая, что без его вредительского участия все рухнет; – Серезенька... – растроганно всхлипнул ангел,*

увеличиваясь в размерах и прыгая ко мне в кровать, – у вас чистая душа, я всегда это говорил. – Ага, еще и обнимитесь для полной идиллии, – не преминул вставить язвительный братец.

Персонажи по-разному обращаются к главному герою: Анцифер проявляет уважительное отношение к «хозяину», называя его *Сергей Александрович, Сережа, Серезенька*; Фармазон фамильярничаёт, используя обращения *Сереза, Серзунь, Серзунька, Александрыч, Лександрыч*. В единичных случаях, например, обидевшись, Фармазон отдаляется от главного героя, называя его *Сергеем Александровичем*. Анцифер, обращаясь к Сергею Гнедину, сбивается с ты на вы и наоборот, особенно при волнении. Фармазон – всегда на ты.

Друг друга персонажи называют по-разному, что свидетельствует об отношении друг к другу: Анцифер именует черта так: *нечистый дух, циник, проходимец, мерзавец, рогатый интриган, падла рогатая, Софокл доморощенный, лукавый и изворотливый бес, лукавый искуситель; невежественный субъект, незнакомый с элементарными нормами культурного поведения*. Фармазон об ангеле говорит: *амиго, чахоточный, ханурик, златокудрый, белобрысый, мотылек белобрысый, кудряшка в белом, занудливый тип в белом, чистоплюй, чистоплюй с крылышками, недалекий софист, подлейший из ангелов, лицемер, бледный проповедник нудных заветов, зануда, моралист занюханый, легкокрылый моралист*.

Индивидуализация речи личных духов может определяться физическим состоянием героев. Например, простуженный Анцифер не выговаривает определенные звуки и, чихая, не может произнести фразу целиком: *остодошно, у меня грипп; я восьму и выздодовлю; так долко пребывать среди языческих бокоф очинь опасно, уж исвините; – Фарма... чхи! зон, пожа... жа... апчи! луйста, прекратите болтать*.

Ангел и черт по-разному реагируют на одну и ту же ситуацию, даже если испытывают одинаковые чувства: *Близнецы заткнулись мгновенно, один от удивления, другой от восхищения моим командирским воплем; они так удивились, что у белого захлопали ресницы, а у черного встал дыбом хвост; Фармазон окосел, ей-богу. У него от удивления глаза округлились и сошлись на переносице, а губы неуверенно шевелились, безуспешно пытаюсь произнести нечто внятное. Анцифер же отреагировал совершенно неадекватно: он едва не повалился на пол от хохота. Персонажи смеются по-разному: Анцифер, едва дыша, всхлипывая, почти лежал на столе, из глаз его катились крупные слезы. Фармазон сполз*

с табуретки на пол, уже не в силах смеяться, а лишь тихо повизгивал, схватившись за живот; Любоваться на ржущего Фармазона не очень-то хотелось, тем более что из другого кармана тоже раздавалось упоенное хихиканье, временами перебиваемое кашлем. Смех черта передается междометиями ха-ха-ха, гы-гы-гы; ангела – хи-хи-хи, что свидетельствует о манере поведения персонажей.

Анцифер нередко выглядит и ведет себя, как священнослужитель или набожный прихожанин: Анцифер стряхнул крошки с белоснежного одеяния и выпрямился, разведя руки в стороны, словно католический проповедник, читающий мессу; Анцифер раскинул руки, как библейский отец, принимающий блудного сына; Анцифер скромно семенит рядом, молитвенно сложив руки, но не произнося ни слова; только глаза кротостью и всепрощением сверкают; – Будем молиться! – твердо решил Анцифер. – А ну-ка опуститесь на колени, прикройте глаза, сложите руки вот так...

Фармазон при подходящем случае предлагает выпить: *Давайте-ка все по маленькой в честь знакомства; – За это надо выпить! – радостно подмигнул черт.* Анцифер отрицательно относится к алкоголю: *Лично я пить не буду и вам не советую. Такая мерзость; Анцифер презрительным движением губ отверг предложенную рюмку.* Даже если он и выпивает, то делает это не так, как Фармазон: *Анцифер пил медленно и деликатно, не забывая себя осенить крестным знаменем.* Фармазон же, наоборот, *тяпнул с лихостью и удалством, говорившим о большом опыте.* В конце романа Анцифер тоже выпивает и даже первым предлагает это сделать, чтобы привести в чувства главного героя: – *Сергей Александрович, может, рюмочку? – заботливо предложил ангел.*

Речевая индивидуализация личных духов Сергея Гнедина проявляется в подборе автором ремарок, сопутствующих речевой деятельности персонажей. Речь Анцифера сопровождаются следующие высказывания: *смирненно произнес, примирительно вздохнул, страдательно подсказывал, с ангельским терпением продолжил, с достоинством ответил, настаивательно ответил, ровным тоном ответил, извиняющимся тоном попросил, раздался виноватый голосок, сдержанно хихикнул, вмешался.* Речь Фармазона комментируется так: *возмущился, воспротивился, огрызнулся, взвился, аж побурел, вмешался, перебил, снова влез, не преминул вставить, влез в разговор, сплюнул язвительно, грозно проверещал, строго обрезал, праведно возопил, зыркнул сердитым тоном, командным голосом взре-*

вел, раздраженно рявкнул, воинственно фыркнул, в бессильной ярости завизжал, пискляво взвыл, фамильярно похлопал меня по плечу, правильно возмущился, недобро процедил, угрожающе нахмурился, язвительно прошипели в ответ с левого плеча. Данные авторские уточнения подчеркивают сущность персонажей, их характер и привычки.

Анализ речевой характеристики героев-антиподов показывает, что для речи ангела и черта характерны и общие элементы, герои взаимодополняют друг друга и даже принимают черты, свойственные противоположному персонажу. Так, Фармазон говорит: *Я тут в лепешку расшибаюсь, хозяина от верной смерти спасаю, свою голову забубенную сую прямо в петлю; Я вредительством заниматься должен, а не вопросами сохранения семьи и брака. Это все ты, чистоплюй с крылышками, виноват! Это я от тебя заразился! Еще пару дней в одной компании побегаем, и я добро начну творить со страшной силой...* Фармазон испугался, когда Анцифер потерял сознание, бросился к нему первым со словами: – *Циля! Циля, родной, вставай! Что с тобой, брательничек? Ты это... ты не того?! Не смей! Не смей, слышишь? ... Ты думаешь, он мне не дорог был? Черное против белого, и все? Мелко меряешь, Серега! Да мы с ним, если хочешь знать... Он же для меня... Я ж за него глотку перегрызу, а ты... С другой стороны, Анцифер практически подвергается соблазну, видя обнаженную женщину, может выпить, выругаться или толкнуть главного героя на необдуманный поступок, что подтверждает замечание Фармазона: *Циля, ты воруеть мои прерогативы – втравить хозяина в такое...* Взаимозаменяемость Анцифера и Фармазона говорит о том, что ангел и черт никогда не могут делать только одно добро или зло, даже у них есть пороки или благородные черты, которые относятся к организациям, друг другу противоположным.*

Оба персонажа, являясь двумя сторонами личности Сергея Гнедина, воздействуют на него. Когда герой прислушивается к голосу черта, его речь соотносима с речью Фармазона, когда поэт находится под влиянием ангела, в его высказываниях прослеживается речевая специфика Анцифера: *Я еще сильнее смутился, отхлебнул от фужера, и тут... видимо, мой самоконтроль несколько ослаб, потому что я с веселым ужасом почувствовал рвущийся с языка нахальный жаргон Фармазона; Анцифер и Фармазон толклись в моей голове, перебивая друг друга...* И светлая, и темная сторона – неременная составляющая души любого человека, ангел и черт есть в каждом из нас, что подтверждают слова одного из персо-

нажей: – *Ладно, дипломат, считай, что мы с кудряшкой в белом до конца дней к тебе привязаны. У меня тоже совесть есть, я ведь понимаю, что только моим ты не будешь никогда. Как, впрочем, и Анциферовым.*

Таким образом, речевая индивидуализация ангела и черта в романе А. Беянина определяется сущностью персонажей и их ролью в жизни Сергея Гнедина. Специфика речи представлена, прежде всего, на лексическом и фразеологическом уровне, а также в разном речевом поведении героев в одной и той же ситуации, в особой стилистической структуре высказываний, манере построения фраз, в авторских ремарках, сопровождающих речевую деятельность Анцифера и Фармазона, что позволяет актуализировать их функциональную противопоставленность. Речь ангела насыщена книжной лексикой, часто имеющей высокую стилистическую окраску и устаревший характер, а также религиозными словами и оборота-

ми. Речь черта более образна и афористична, характеризуется разговорной, сниженной лексикой, просторечиями и жаргонизмами, собственными деклассированным элементом. Эмоционально-экспрессивная окраска, содержащаяся в речевых партиях, репрезентирует характер персонажей, их отношение к миру, душевное состояние, дает представление о жизненных интересах, установках и ценностях героев.

Анализ речевой характеристики Анцифера и Фармазона показывает, что при несомненной индивидуализации речи наблюдаются компоненты, свидетельствующие о взаимозаменяемости героев. Включение в речь персонажей-антиподов элементов, свойственных противоположному герою, оказывается значимым в философской картине мира А. Беянина, по представлениям которого ангел и черт не могут делать только одно добро или зло, «белое и черное должно уравновешивать друг друга».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трещалина, И. В.* Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов (лексико-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Трещалина. – Тверь, 1998. – 167 л.
2. *Салмина, Л. М.* Специфика снобистского дискурса (на материале произведений Д. Донцовоной) / Л. М. Салмина // Русская и сопоставительная филология. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 118–123.
3. *Гинзбург, Л. Я.* О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – М. : УРСС, 2009. – 219 с.
4. *Балдаев, Д. С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М. : Края Москвы, 1992. – 526 с.
5. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. 4 : Р – в. – 1991. – 683 с.

REFERENCES

1. *Treshchalina, I. V.* Yazykovaya lichnost personazha v proze A. P. Chekhova kontsa 80-kh – nachala 90-kh godov (leksiko-semanticheskiy aspekt) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / I. V. Treshchalina. – Tver, 1998. – 167 l.
2. *Salmina, L. M.* Spetsifika snobistskogo diskursa (na material proizvedeniy D. Dontsovoy) / L. M. Salmina // Russkaya i sopostavitelnaya filologiya. – Kazan : Kazan. gos. un-t, 2005. – S. 118-123.
3. *Ginzburg, L. Ya.* O literaturnom geroye / L. Ya. Ginzburg. – M. : URSS, 2009. – 219 s.
4. *Baldayev, D. S.* Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zharгона (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy) / D. S. Baldayev, V. K. Belko, I. M. Isupov. – M. : Kraya Moskvyy, 1992. – 526 s.
5. *Dal, V.* Tolkovyy slovar zhivogo velikorussskogo yazyka : v 4 t. / V. Dal. – M. : Russkiy yazyk, 1989-1991. – T. 4 : P – v. – 1991. – 683 s.